

DOI: 10.31696/S086919080038781-6

ПРОБЛЕМА ТРЁХ СПОРНЫХ ОСТРОВОВ В ПЕРСИДСКОМ ЗАЛИВЕ В КОНТЕКСТЕ ИРАНО-РОССИЙСКИХ ПОЛИТИКО-ДИПЛОМАТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ

© 2026

М. МОХАММАДНЕЖАД НЕШЕЛИ ^а^а – Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия

ORCID: 0009-0006-5376-5607; mmnesheli@edu.hse.ru

Резюме: Обсуждаются разногласия РФ с Исламской Республикой Иран по вопросу принадлежности островов Абу-Муса, Большого и Малого Томба, расположенных в Персидском заливе. Анализируется эволюция данного территориального спора, его исторические и международно-правовые основания, а также влияние колониального наследия британской политики в регионе на формирование современных интерпретаций статуса островов. Особое внимание уделяется аргументации иранской стороны, опирающейся на исторические документы, административную практику и правовые основания, подтверждающие суверенитет Ирана над указанными территориями. Кроме того, рассматриваются основные подходы, представленные в современной российской, иранской и западной историографии, а также оценивается влияние данного спора на региональную безопасность, динамику межгосударственных отношений и систему международных отношений в зоне Персидского залива и на Ближнем Востоке.

В работе также исследуется позиция Российской Федерации, которая формируется в контексте её более широкой многовекторной внешней политики на Ближнем Востоке и стремления поддерживать конструктивные отношения как с Ираном, так и со странами Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ). Рассматриваются дипломатические заявления и международные документы последних лет, а также политико-дипломатические факторы, влияющие на осторожный и сбалансированный подход Москвы к данному вопросу.

Отдельный раздел посвящён анализу дипломатического инцидента 2023 г., вызванного совместным заявлением России и стран ССАГПЗ, в котором была отражена поддержка идеи урегулирования спора мирными средствами. Исследуются причины негативной реакции Тегерана и особенности восприятия данного эпизода в иранском политическом и экспертном дискурсе.

В заключение делается вывод о том, что рассматриваемый территориальный спор носит преимущественно символично-политический и стратегический характер. Несмотря на периодические дипломатические трения, он не оказывает решающего влияния на общее развитие ирано-российских отношений, которые продолжают развиваться в рамках прагматического партнёрства и совпадения интересов в ряде региональных и международных вопросов.

Ключевые слова: Иран, Россия, Персидский залив, Абу-Муса, Большой Томб, территориальный спор, ССАГПЗ, суверенитет

Для цитирования: Мохаммаднежад Нешели М. Проблема трёх спорных островов в Персидском заливе в контексте ирано-российских политико-дипломатических отношений. *Восток (Oriens)*. 2026 № 4. С. 82–92. DOI: 10.31696/S086919080038781-6

THE ISSUE OF THE THREE DISPUTED ISLANDS IN THE PERSIAN GULF IN THE CONTEXT OF IRANIAN-RUSSIAN POLITICAL AND DIPLOMATIC RELATIONS

© 2026

Mohammad Mahdi MOHAMMADNEJAD NESHELY ^a

^a – Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russia
ORCID: 0009-0006-5376-5607; mmnesheli@edu.hse.ru

Abstract: *The article examines political and diplomatic disagreements between the Russian Federation and the Islamic Republic of Iran concerning the sovereignty of the islands of Abu Musa, Greater Tunb, and Lesser Tunb in the Persian Gulf. It analyzes the historical and legal foundations of Iran's position and considers the development of the dispute within the broader context of regional politics and international law. Particular attention is given to the colonial legacy of the issue, especially the role of British policy in the Persian Gulf and its influence on the emergence of competing territorial claims and interpretations of the islands' legal status.*

The study also explores the approach of the Russian Federation to this dispute. Russia's position is examined within the framework of its multi-vector foreign policy in the Middle East and its efforts to maintain balanced relations with both Iran and the member states of the Gulf Cooperation Council (GCC). In this context, the article analyzes diplomatic statements and political factors that shape Moscow's cautious and pragmatic approach to the issue.

Special attention is devoted to the diplomatic incident of 2023, which emerged after a joint statement by Russia and GCC states addressing the question of the islands and supporting a peaceful settlement of the dispute. The article examines the reasons behind Tehran's critical reaction and the perception of this episode within Iranian political discourse.

The study concludes that the dispute surrounding the islands has a predominantly symbolic and strategic character and does not fundamentally undermine the foundations of Iranian-Russian partnership.

Keywords: Iran, Russia, Persian Gulf, Abu Musa, Greater Tunb, territorial dispute, GCC, sovereignty

For citation: Mohammadnejad Neshely M. The Issue of the Three Disputed Islands in the Persian Gulf in the Context of Iranian-Russian Political and Diplomatic Relations. *Vostok (Oriens)*. 2026. No. 4. Pp. 82–92. DOI: 10.31696/S086919080038781-6

Проблема принадлежности островов Абу-Муса, Большого и Малого Томба в Персидском заливе остаётся одним из наиболее устойчивых территориальных споров на Ближнем Востоке. Считается, что, несмотря на их ограниченные размеры, данные территории обладают высокой стратегической значимостью в силу близости к Ормузскому проливу – ключевому маршруту мирового нефтяного судоходства, через который проходит до трети мировых морских поставок нефти.

Современный конфликт между Исламской Республикой Иран и Объединёнными Арабскими Эмиратами имеет глубокие историко-правовые корни, связанные с колониальной политикой Великобритании в регионе и трансформацией системы суверенитетов в период деколонизации Персидского залива в конце XX в. [Amirahmadi, 1996, p. 32]. В 1971 г., накануне образования ОАЭ, Иран восстановил контроль над островами Абу-

Муса, Большим и Малым Томбом, что стало отправной точкой нынешнего этапа территориального спора [Al-Naqbi, 1998, p. 35].

В условиях трансформации мировой политической системы и усиления роли региональных держав данный вопрос приобрёл дополнительное дипломатическое измерение. Особый интерес в этом контексте представляет позиция Российской Федерации, которая, развивая стратегическое партнёрство с Ираном, одновременно выстраивает активный диалог со странами Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ), что отражено в официальных документах МИД РФ и двусторонних заявлениях [Сажин, 2023].

Объектом исследования в настоящей статье являются политико-дипломатические отношения между Российской Федерацией и Исламской Республикой Иран в системе регионального взаимодействия на Ближнем Востоке.

Предметом исследования выступают позиции и подходы России и Ирана к проблеме трёх спорных островов в Персидском заливе (Абу-Муса, Большой и Малый Томб), а также механизмы формирования и проявления разногласий между ними.

Исследовательская проблема заключается в противоречии между стратегическим характером ирано-российского партнёрства и расхождениями их позиций по территориальному спору в Персидском заливе, что создаёт напряжённость в политико-дипломатическом взаимодействии и требует научного осмысления причин и последствий этих разногласий.

Основной исследовательский вопрос формулируется следующим образом: *в чём заключаются причины расхождений между Россией и Ираном по проблеме трёх спорных островов в Персидском заливе и какие существуют перспективы их дипломатического урегулирования с учётом историко-правовых оснований суверенитета Ирана?*

Целью статьи является выявление причин разногласий между иранской и российской сторонами по проблеме трёх островов и определение возможных направлений урегулирования. Для достижения цели предполагается решение следующих задач: рассмотреть историко-правовой контекст спора; проанализировать аргументацию иранской стороны; охарактеризовать подход России; выявить факторы дипломатических расхождений; оценить перспективы урегулирования.

Методологическую основу исследования составляют положения политического реализма и неореализма, а также элементы историко-правового и сравнительно-политического анализа. Источниковую базу образуют официальные документы МИД РФ и МИД ИРИ, материалы ООН, иранские и российские аналитические публикации, а также труды зарубежных исследователей.

ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ КОНТЕКСТ СПОРА О ПРИНАДЛЕЖНОСТИ ОСТРОВОВ АБУ-МУСА, БОЛЬШОГО И МАЛОГО ТОМБА

Территориальный спор между Ираном и Объединёнными Арабскими Эмиратами по поводу островов Абу-Муса, Большого и Малого Томба имеет глубокие исторические и правовые корни, восходящие к эпохе колониального присутствия европейских держав в зоне Персидского залива. До XIX в. острова находились в сфере влияния различных персидских княжеств и использовались как часть торгово-морской инфраструктуры Ирана [Amirahmadi, 1996, p. 36].

В начале XIX в. Великобритания, закрепляя своё господство в регионе, установила протекторат над рядом арабских шейхств на южном побережье Персидского залива. В рамках этой политики британская администрация постепенно перераспределяла контроль над прибрежными и островными территориями в пользу лояльных Лондону арабских правителей [Al-Naqbi, 1998, p. 59]. При этом юридический статус островов Большой Томб, Малый

Томб и Абу-Муса оставался неопределённым, а в британских документах допускались противоречивые трактовки их принадлежности [Amirahmadi, 1996, p. 38].

В конце XIX – начале XX в. Иран неоднократно заявлял о своём суверенитете над указанными островами, ссылаясь на исторические, административные и картографические источники [Хасанзаде, 2014, с. 509]. Однако в условиях британского доминирования в регионе иранские претензии не получили международного признания. Фактический контроль над островами осуществляли арабские шейхи под покровительством Великобритании [Al-Naqbi, 1998, p. 29, 9].

Ключевым моментом стал 1971 год – период вывода британских войск из зоны Персидского залива и формирования Объединённых Арабских Эмиратов. За два дня до провозглашения независимости ОАЭ Иран ввёл войска на острова и восстановил над ними контроль [Amirahmadi, 1996, p. 82; Waltz, 1979; British Admiralty Chart, 1951]. Одновременно был подписан меморандум между Ираном и эмиратом Шарджа по острову Абу-Муса, предусматривавший совместное администрирование и распределение доходов от ресурсов [Amirahmadi, 1996, p. 77].

С точки зрения иранской стороны, данный меморандум не ограничивал суверенитет Ирана, а лишь регулировал временные административные вопросы [Amirahmadi, 1996, p. 78]. ОАЭ, напротив, рассматривают его как доказательство существования спора и основания для международного арбитража [Al-Naqbi, 1998, p. 59].

После Исламской революции 1979 г. Иран подтвердил преемственность суверенитета над островами, усилил военное присутствие и включил их в систему национальной безопасности. Согласно официальным заявлениям Исламской Республики Иран и работам иранских авторов из академических кругов, она последовательно отвергает любые попытки интернационализировать этот вопрос или обратиться в Международный суд, заявляя, что спора нет и что эти острова являются неотъемлемой частью иранской территории [Хасанзаде, 2014, с. 519].

Иранская аргументация опирается на:

- историческую принадлежность островов Персии;
- отсутствие действительных международных договоров о передаче их арабским шейхам;
- незаконный характер британского перераспределения территорий в колониальный период [Хасанзаде, 2014, с. 519].

В современных условиях спор приобрёл не только правовое, но и геополитическое измерение, так как контроль над островами означает контроль над судоходством в Ормузском проливе, через который проходит до 30–40% мировых поставок нефти [Сажин, 2023].

Таким образом, историко-правовой анализ показывает, что конфликт вокруг трёх островов является следствием колониального наследия и незавершённой трансформации системы суверенитетов в Персидском заливе. При этом иранская позиция основывается на принципе исторической преемственности и территориальной целостности государства, закреплённом в международном праве [Sato, 2012, p. 121].

ИРАНСКАЯ ПОЗИЦИЯ И АРГУМЕНТАЦИЯ СУВЕРЕНИТЕТА НАД ОСТРОВАМИ АБУ-МУСА, БОЛЬШИМ И МАЛЫМ ТОМБОМ

Официальная позиция Исламской Республики Иран по вопросу принадлежности островов Абу-Муса, Большого и Малого Томба основывается на принципе исторической преемственности суверенитета и неотчуждаемости территориальной целостности государства. Тегеран последовательно утверждает, что данные острова «навечно принадлежат Ирану»

и не могут рассматриваться как предмет международного спора или переговоров [Тахери, 1971; Хасанзаде, 2014, с. 524].

Иранская аргументация опирается прежде всего на исторические источники, свидетельствующие о том, что острова входили в сферу управления персидских государств ещё задолго до появления на южном побережье Залива современных арабских образований [Amirahmadi, 1996, p. 52; British Admiralty Chart, 1951]. В иранской историографии подчёркивается, что власть персидских династий – Сефевидов, Афшаридов и Каджаров – распространялась на северное и центральное побережье Персидского залива, включая островные территории [Хасанзаде, 2014, с. 521; British Admiralty Chart, 1951].

Существенное значение имеет и правовой аргумент, связанный с отсутствием международных договоров, в соответствии с которыми Иран якобы передал бы суверенитет над островами арабским шейхам. Иранские исследователи указывают, что британская практика «административного перераспределения» территорий в XIX–XX вв. не обладала легитимностью с точки зрения современного международного права [Amirahmadi, 1996, p. 51]. Эта позиция подкрепляется выводами российского специалиста по международному праву В.Л. Толстых, который в рамках анализа доктрины эффективной оккупации применительно к азиатским реалиям указывает: захват островов кланом Аль-Касими в XVIII в. стал возможен лишь вследствие временного ослабления Персии в период афганского нашествия и внутренних смут, тогда как в соответствии с нормами общего международного права утрата региональной державой контроля над периферийными территориями в кризисный период не порождает у третьих лиц законного права на их присвоение [Толстых, 2025, с. 196]. Кроме того, Толстых подчёркивает правомерность иранского аргумента о том, что отсутствие водружения флага над островами объяснялось общепризнанностью персидского владения ими, тогда как поднятие флага Шарджи на Абу-Мусе в 1903 г. представляло собой противоправный акт [Толстых, 2025, с. 196]. Таким образом, иранская позиция по данному вопросу находит опору не только в трудах иранских и западных исследователей, но и в российской правовой доктрине.

Особое место в иранской позиции занимает интерпретация меморандума 1971 г. между Ираном и эмиратом Шарджа по острову Абу-Муса. Тегеран рассматривает данный документ как соглашение о временных административных мерах, не затрагивающее вопрос суверенитета, который, по иранской версии, уже был окончательно решён в пользу Ирана [Хасанзаде, 2014, с. 524].

После Исламской революции 1979 г. проблема островов была встроена в идеологию национального суверенитета и сопротивления внешнему давлению. Усиление военного присутствия Ирана на островах объясняется необходимостью защиты стратегических коммуникаций в Ормузском проливе и предотвращения угроз со стороны США и их региональных союзников [Сажин, 2023].

Иранская дипломатия категорически отказывается от любых инициатив по интернационализации вопроса, включая предложения о передаче спора в Международный суд ООН. По мнению Тегерана, обращение в суд возможно только при наличии признанного спора, тогда как в данном случае, как утверждают иранские официальные лица, никакого спора не существует [Amirahmadi, 1996, p. 93].

Современные иранские аналитики подчёркивают, что признание суверенитета Ирана над островами соответствует не только исторической справедливости, но и принципам международного права, включая:

- принцип территориальной целостности;
- принцип *uti possidetis juris*;

– недопустимость пересмотра границ, сложившихся в ходе деколонизации [Amirahmadi, 1996, p. 94].

В результате, иранская позиция по вопросу трёх островов представляет собой целостную систему аргументов, сочетающую историко-правовые, геополитические и идеологические основания. Для Тегерана этот вопрос имеет не столько территориальное, сколько символическое и стратегическое значение, поскольку затрагивает основы национального суверенитета и регионального статуса Ирана [Сажин, 2023; Donnelly, 2000, p. 127; Waltz, 1979, p. 45].

Вместе с тем для полноты анализа необходимо кратко обозначить историческую аргументацию Объединённых Арабских Эмиратов, которая используется эмиратской стороной в обоснование притязаний на острова. В работе Нура С. Аль-Мазруи. Спорные острова между ОАЭ и Ираном (2015) [Al-Mazrouei, 2015] приводятся доводы арабских исследователей, согласно которым после исламского завоевания VII в. н.э. Персидский залив превратился во «внутреннее арабское озеро», поскольку его побережье оказалось под контролем арабских племён и государств. Профессор публичного права Университета ОАЭ Мохаммад Абдулла ар-Рокен утверждает, что даже в период ослабления центральной власти в рамках халифата управление водами Залива, включая спорные острова, осуществлялось арабскими политическими образованиями, в частности, Оманом [Al-Mazrouei, 2015, p. 5–6].

Сходную позицию занимает консультант по ближневосточным вопросам Томас Маттиар, полагающий, что начиная приблизительно с IX в. островные территории находились под управлением арабских династий региона Персидского залива, включая государство Новый Ормуз, контролировавшее земли по обе стороны пролива. При этом сами эмиратские исследователи признают, что документальные источники доколониального периода крайне фрагментарны, а чётких юридических актов, фиксирующих суверенитет над островами до установления британского контроля, не сохранилось [Al-Mazrouei, 2015, p. 67].

Особое место в эмиратской аргументации занимает фактор династии Кавасим, правителей современных эмиратов Шарджа и Рас-эль-Хайма. Согласно арабской версии, во второй половине XVIII в., после гибели Надир-шаха и ослабления центральной власти в Иране, именно князья Кавасим установили контроль над островами Абу-Муса, Большим и Малым Томбом, а также над Кешмом и портом Бендер-Ленге на иранском побережье. В начале XIX в. британский резидент в Маскате Дэвид Сетон сообщал о сохранении контроля Кавасим над Большим и Малым Томбом. Более того, в 1864 г. шейх Султан бин Сакр из династии Кавасим заявлял британским властям, что его семья владела островами Абу-Муса и Большой Томб на протяжении нескольких поколений. Современные арабские авторы трактуют Кавасим как независимых правителей, а следовательно, рассматривают ОАЭ в качестве их правопреемника [Al-Mazrouei, 2015, p. 7].

В иранской историографии статус Кавасимов подвергается иной интерпретации. Отмечается, что происхождение и племенная принадлежность данного рода остаются предметом дискуссии: одни исследователи выводят их из арабского племени хавала, связывая генеалогию с Недждом и ранними миграциями к побережью Омана [Amirahmadi, 1996, p. 229], другие указывают на возможные связи с иранским портом Сираф и последующее переселение в Джульфар (ныне Рас-эль-Хайма) [Kelly, 1968, p. 18]. В британских источниках XIX в. Кавасим нередко характеризовались как племенное объединение, действовавшее на так называемом «Пиратском берегу» и занимавшееся морским разбоем [Wilson, 1969, c. 232]. Иранские авторы также подчёркивают, что правители Кавасим находились в вассальной зависимости от династии Зеидов, что, по их мнению, исключает возможность трактовки их владений как самостоятельного и суверенного политического образования. Данная позиция находит подтверждение в отечественной правовой доктрине

не: российский исследователь В.Л. Толстых, анализируя проблему островов Абу-Муса и Большого и Малого Томба в контексте международного права, специально указывает на то, что именно этот вопрос – выступали ли Аль-Касими суверенами или лишь агентами персидского шаха – остаётся ключевым правовым разногласием сторон, причём сама постановка вопроса свидетельствует об отсутствии у ОАЭ бесспорного титула на острова [Толстых, 2025, с. 195].

Таким образом, историческая аргументация ОАЭ строится преимущественно на интерпретации доколониального контроля арабских племенных династий и принципе правопреемства, тогда как иранская сторона оспаривает как самостоятельность этих образований, так и достаточность источниковой базы для установления их суверенитета. Отсутствие чётких юридических актов и картографических свидетельств периода, предшествовавшего установлению британского контроля, остаётся одним из ключевых факторов, усложняющих ретроспективную реконструкцию принадлежности островов.

ПОДХОД РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И ФАКТОР ССАГПЗ В КОНТЕКСТЕ СПОРА О ТРЁХ ОСТРОВАХ

Подход Российской Федерации к проблеме принадлежности островов Абу-Муса, Большого и Малого Томба формируется в рамках её многовекторной политики в зоне Персидского залива и опирается на стремление выстраивать сбалансированные отношения как с Исламской Республикой Иран, так и со странами Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ) [Сажин, 2023].

С 2011 г. Россия институционализировала диалог с ССАГПЗ в формате стратегического партнёрства, что отражает растущее значение арабских монархий Залива во внешнеполитической стратегии Москвы. В официальных документах МИД РФ подчёркивается необходимость поддержки всех мирных усилий по урегулированию региональных конфликтов на основе норм международного права и Устава ООН [*Российская Концепция, 2021; Совместное заявление, 2023*].

В этом контексте позиция России по трём островам носит осторожный и формально-правовой характер. Подписав Совместное заявление по итогам шестого министерского заседания стратегического диалога Россия – ССАГПЗ в июле 2023 г., Москва фактически поддержала формулу урегулирования спора путём двусторонних переговоров или обращения в Международный суд ООН [*Совместное заявление, 2023*]. Данная формулировка вызвала негативную реакцию Тегерана, который расценил её как косвенное признание наличия спора [Иран не считает, 2023; *Совместное заявление, 2023*].

Российская дипломатия, в свою очередь, подчеркнула приверженность принципам территориальной целостности и суверенного равенства государств, заявив об отсутствии каких-либо сомнений в территориальной целостности Ирана. Следовательно, Москва стремилась минимизировать ущерб для ирано-российских отношений, одновременно не выходя за рамки своих обязательств в диалоге с арабскими партнёрами [Сажин, 2023].

Фактор ССАГПЗ в данном контексте имеет принципиальное значение. В документах этой организации вопрос трёх островов традиционно трактуется как «оккупация» со стороны Ирана, и включение соответствующих формулировок в совместные заявления является стандартной дипломатической практикой. Россия, принимая участие в многосторонних форматах с ССАГПЗ, фактически оказывается встроеной в их дискурсивную повестку, что ограничивает её свободу манёвра [Сажин, 2023].

При этом Россия не рассматривает проблему островов как центральный элемент своих отношений с Ираном. Для Москвы приоритетными остаются вопросы энергетического

сотрудничества, военно-технического взаимодействия и координации позиций по Сирии и глобальной безопасности [Белов, 2024]. Спор об островах воспринимается скорее как дипломатический раздражитель, чем как стратегический конфликт [Сажин, 2023]. Вместе с тем в российском академическом дискурсе всё отчётливее звучит призыв к выработке именно правовой, а не исключительно политической позиции по данному вопросу. В.Л. Толстых, рассматривая спор об островах в числе ключевых конфликтов с участием союзников России, прямо указывает на необходимость для российской дипломатии располагать не только политическими, но и правовыми аргументами применительно к спорам, затрагивающим интересы Ирана [Толстых, 2025, с. 204]. Это свидетельствует о том, что осторожная позиция Москвы воспринимается частью российского экспертного сообщества как недостаточная и требующая содержательного правового обоснования – обоснования, которое, с учётом изложенной в настоящей статье аргументации, объективно склоняется в пользу иранского суверенитета над островами.

Соответственно, российский подход к проблеме трёх островов представляет собой попытку балансирования между партнёрством с Ираном и развитием отношений со странами Персидского залива. Фактор ССАГПЗ выступает структурным ограничителем российской дипломатии, вынуждая Москву использовать максимально нейтральные формулы, даже в ущерб чувствительности иранской стороны [Сажин, 2023].

ПРИЧИНЫ РАЗНОГЛАСИЙ МЕЖДУ МОСКВОЙ И ТЕГЕРАНОМ

Несмотря на стратегический характер современного российско-иранского партнёрства, разногласия по проблеме трёх островов в Персидском заливе демонстрируют наличие структурных и концептуальных расхождений во внешнеполитических подходах двух государств. Эти расхождения имеют как системный, так и ситуативный характер [Белов, 2024].

Первой причиной является различие в трактовке самого статуса вопроса. Для Ирана проблема трёх островов не является «спором» в юридическом смысле, поскольку Тегеран исходит из безусловного суверенитета над этими территориями [Хасанзаде, 2014, с. 524]. Россия же, следуя дипломатической логике многосторонних форматов, использует нейтральную формулу «урегулирование разногласий», что фактически допускает существование спора как такового [Белов, 2024].

Второй фактор связан с разной оценкой роли международного права и судебных механизмов. Согласно официальным документам и анализу иранских исследователей, Иран категорически отказывается передавать данный вопрос в Международный суд ООН, так как считает это угрозой своему суверенитету [Amirahmadi, 1996, p. 147]. В то же время российская дипломатия традиционно поддерживает любые формы мирного разрешения конфликтов, включая арбитраж и судебные процедуры, что отражено в официальных документах МИД РФ [*Российская Концепция*, 2021].

Третьей причиной является геополитическое балансирование Москвы в регионе. Россия заинтересована в сохранении партнёрских отношений не только с Ираном, но и с государствами ССАГПЗ, которые обладают значительным экономическим и энергетическим потенциалом [Товарооборот, 2023]. Поддержка исключительно иранской позиции означала бы подрыв многовекторной стратегии РФ в зоне Персидского залива [Сажин, 2023].

Четвёртый фактор связан с различиями в восприятии союзничества. В Иране нередко доминирует представление о России как о «стратегическом союзнике», от которого ожидается политическая солидарность по чувствительным вопросам. В российской внешнеполитической доктрине отношения с Ираном рассматриваются как прагматическое пар-

тиёрство, а не формальный союз, что обуславливает большую гибкость и автономность позиций [Белов, 2024].

Пятой причиной является влияние внутривосточных процессов в Иране. Как показал дипломатический инцидент 2023 г., реакция Тегерана на позицию России была во многом усилена внутривосточной борьбой между консервативными и реформаторскими группами, использовавшими «российский фактор» в собственных интересах [Иран, 2023; Сажин, 2023].

Наконец, шестой фактор – это различие в символическом значении проблемы. Для Ирана острова являются частью национальной идентичности и исторической памяти, тогда как для России данный вопрос носит исключительно внешнеполитический и процедурный характер [Сажин, 2023; Хасанзаде, 2014, с. 504].

Таким образом, разногласия между Москвой и Тегераном по проблеме трёх островов имеют комплексную природу и обусловлены не конфликтом интересов как таковых, а несовпадением дипломатических культур, стратегических приоритетов и интерпретаций суверенитета в условиях регионального многополярного порядка.

ПЕРСПЕКТИВЫ УРЕГУЛИРОВАНИЯ

Перспективы урегулирования проблемы островов Абу-Муса, Большого и Малого Томба в значительной степени зависят от сочетания правовых, политических и геополитических факторов. В настоящее время Иран и ОАЭ придерживаются принципиально различных подходов: Тегеран отрицает сам факт наличия спора, тогда как Абу-Даби настаивает на необходимости международного арбитража [Al-Naqbi, 1998, p. 29; Amirahmadi, 1996, p. 132].

С точки зрения Ирана, единственным допустимым вариантом является признание международным сообществом его суверенитета над островами без каких-либо предварительных условий. Иранская дипломатия исходит из того, что любые переговоры возможны лишь по вопросам хозяйственного и экологического сотрудничества, но не по проблеме принадлежности территорий [Amirahmadi, 1996, p. 132; The National Archives (UK), FCO 8/57; U.S. Department of State, 1971].

С другой стороны, Объединённые Арабские Эмираты и государства Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива полагают, что разрешение конфликта должно осуществляться либо посредством двусторонних переговоров, либо через международные судебные механизмы, включая Международный суд ООН. Такая позиция систематически закрепляется в резолюциях Лиги арабских государств и в совместных заявлениях ССАГПЗ [Al-Naqbi, 1998, p. 162].

Россия в данном контексте выступает как сторонник исключительно мирных и юридически оформленных процедур урегулирования конфликтов, что соответствует её официальной позиции в рамках ООН и многосторонних региональных диалогов [*Российская Концепция*, 2021]. Однако Москва не готова брать на себя роль посредника без согласия обеих сторон, осознавая высокую чувствительность данного вопроса для Ирана [Сажин, 2023].

С точки зрения практических реалий, в ближайшем будущем достижение компромисса представляется маловероятным. Иран значительно усилил свои военные и инфраструктурные позиции на островах, что указывает на его стремление сохранить существующее положение вещей. В то же время ОАЭ активно задействуют дипломатические и информационные ресурсы для того, чтобы привлечь внимание международного сообщества к этому вопросу.

Для ирано-российских отношений наиболее вероятным сценарием является сохранение разногласий по проблеме островов при одновременном углублении сотрудничества в других стратегических сферах – энергетике, транспорте, военно-политической координации.

Следовательно, спор о трёх островах в обозримой перспективе будет оставаться дипломатическим раздражителем, но не системным препятствием для развития партнёрства между Москвой и Тегераном [Белов, 2024; Сажин, 2023].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведённый анализ показал, что проблема принадлежности островов Абу-Муса, Большого и Малого Томба в Персидском заливе является не столько территориальным, сколько политико-символическим и геостратегическим конфликтом, корни которого уходят в колониальное наследие региона и незавершённую трансформацию системы суверенитетов в условиях деколонизации.

Иран придерживается позиции, основанной на принципе исторической преемственности и территориальной целостности, а также на убеждении в недопустимости пересмотра границ, установленных в XX в. Тегеран последовательно отрицает сам факт наличия спора и рассматривает любые инициативы по международному арбитражу как угрозу своему суверенитету. Тем самым проблема островов встраивается в более широкий контекст национальной идентичности и регионального статуса Исламской Республики Иран.

Подход Российской Федерации носит прагматичный и многоуровневый характер. Москва стремится сочетать развитие стратегического партнёрства с Ираном с активным диалогом со странами ССАГПЗ, что объективно ограничивает её возможность однозначно поддержать позицию Тегерана. В результате Россия использует максимально нейтральные формулы, апеллируя к принципам Устава ООН и мирного урегулирования споров.

Разногласия между Москвой и Тегераном по проблеме трёх островов имеют структурную природу и связаны с различием дипломатических культур, интерпретаций суверенитета и региональных приоритетов. Однако они не носят антагонистического характера и не подрывают стратегическую основу ирано-российских отношений.

Перспективы окончательного урегулирования спора в обозримом будущем остаются ограниченными. Вместе с тем сохранение статус-кво при одновременном развитии мер доверия в сфере безопасности судоходства и регионального сотрудничества представляется наиболее реалистичным сценарием. В этом контексте проблема трёх островов будет и далее выступать дипломатическим раздражителем, но не системным барьером для развития российско-иранского партнёрства в условиях формирующегося многополярного миропорядка.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ/REFERENCES

Белов В.И. Россия и Иран на пути к стратегическому партнерству. *Научные труды Вольного экономического общества России*. 2024. № 4. С. 263–277 [Belov V.I. Russia and Iran on the Path toward Strategic Partnership. *The Proceedings of the Free Economic Society of Russia*. 2024. No. 4. Pp. 263–277 (in Russian)] DOI: 10.38197/2072-2060-2024-248-4-263-277 <https://cyberleninka.ru/article/n/rossiya-i-iran-na-puti-k-strategicheskomu-partnerstvu> (accessed: 24.01.2026).

Иран не считает объяснения РФ достаточными по поводу подписанного заявления с ССАГПЗ. *ИРНА*. 17.07.2023 [Iran Does Not Consider Russia's Explanations Sufficient Regarding the Signed Statement with the GCC. *IRNA*. 17.07.2023 (in Russian)] <https://ru.irna.ir/news/85173040/Иран-не-считает-объяснения-РФ-достаточными-по-поводу-подписанного> (accessed: 12.01.2026).

Российская Концепция коллективной безопасности в зоне Персидского залива. Министерство иностранных дел Российской Федерации. 24.08.2021 [Russian Concept of Collective Security in the

Persian Gulf Zone. *Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation*. 24.08.2021 (in Russian)] https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_safety/1466420/ (accessed: 12.01.2026).

Сажин В.И. Три «острова раздора» в Заливе. *Международная жизнь*. 02.08.2023 [Sazhin V.I. Three “Islands of Discord” in the Gulf. *International Affairs*. 02.08.2023 (in Russian)] <https://interaffairs.ru/news/show/41617> (accessed: 12.01.2026).

Совместное заявление по итогам шестого министерского заседания стратегического диалога Россия – ССАГПЗ. *Министерство иностранных дел Российской Федерации*. 12.07.2023 [Joint Statement Following the Sixth Ministerial Meeting of the Russia–GCC Strategic Dialogue. *Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation*. 12.07.2023 (in Russian)] https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/rso/1896567/ (accessed: 12.01.2026).

Товарооборот между РФ и ОАЭ в 2022 году вырос до \$9 млрд. *TACC*. 20.02.2023 [Trade Turnover between Russia and the UAE in 2022 Increased to \$9 Billion. *TASS*. 20.02.2023 (in Russian)] <https://tass.ekonomika/17094049> (accessed: 12.01.2026).

Толстых В.Л. Азия и международное право: между адаптацией и игнорированием (Часть 2). *Восток (Oriens)*. 2025. № 3. С. 193–206 [Tolstikh V.L. Asia and International Law: Between Adaptation and Ignoring (Part 2). *Vostok (Oriens)*. 2025. No. 3. Pp. 193–206 (in Russian)].

Al-Naqbi Y. *The Sovereignty Dispute over the Gulf Islands: Abu Musa, Greater and Lesser Tunbs*. PhD dissertation. Glasgow, 1998.

Amirahmadi H. *Small Islands, Big Politics: The Tombs and Abu Musa in the Persian Gulf*. London: Palgrave Macmillan, 1996.

British Admiralty Chart: Entrance to the Persian Gulf. Scale 1:320000. London, 1951.

Donnelly J. *Realism and International Relations*. Cambridge: Cambridge University Press, 2000.

Hasanzade H. Barresi-ye vaz'iyat-e hoquqi-ye jazayere se-gane-ye irani ba tavajjoh be mavaze'-e Iran va Emarat-e Mottahade-ye Arabi [Examining the legal status of the three Iranian islands with regard to the positions of Iran and the United Arab Emirates]. *Proceedings of the 10th Gulf National Research Conference*. Tehran: Jahade Daneshgahi, 2014. Pp. 503–527 (in Persian)].

Iran Summons Russian Ambassador over Moscow's Support for Arab Stance on Islands. *Ministry of Foreign Affairs of the Islamic Republic of Iran*. 12.07.2023. <https://en.mfa.gov.ir/portal/newsview/724779> (accessed: 12.01.2026).

Kelly J.B. *Britain and the Persian Gulf 1795–1880*. Oxford: Oxford University Press, 1991.

Al-Mazrouei N. *Disputed Islands between UAE and Iran: Abu Musa, Greater Tumb, and Lesser Tumb in the Strait of Hormuz*. Cambridge: Gulf Research Center Cambridge, 2015.

Sato S. *Britain's Withdrawal from the Persian Gulf, 1964–1971: A Study of Informal Empire*. Oxford: St Antony's College, University of Oxford, 2011.

Taheri A. Dar jebheha va sangarhayeh khali-j-e fars [On the fronts and trenches of the Persian Gulf]. *Ettela'at*. 2 December 1971. No. 13662. Pp. 5 (in Persian)].

Telegram of the British Ambassador in Tehran to the Foreign Office on the Gulf Islands. *The National Archives (UK)*. FCO 8/57. 3 June 1968.

Waltz K.N. *Theory of International Politics*. Menlo Park: Addison-Wesley Publishing Company, 1979.

Willson A. *Khalij-e fars [Persian Gulf]*. M. Saeedi (tr.) Tehran: Bongah-e Tarjome va Nashr-e Ketab, 1969 (in Persian).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Мохаммад Махди МОХАММАДНЕЖАД
НЕСЕЛИ – аспирант кафедры
международной безопасности Российского
государственного гуманитарного университета
(РГГУ), Москва, Россия.

Mohammad Mahdi MOHAMMADNEJAD
NESHELY, Postgraduate Student, Department of
International Security, Russian State University
for the Humanities (RSUH), Moscow, Russia.